

ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ!

Глеб Павловский

европа

ПОЛИТУЧЕБА

Что же инсайдер о том, каким видится мир из Кремля. Нам все заведомо по плечу. Мы уверены, что любая цель достижима силами старой команды, все той же с 2000 года. На год в год за нее голосует большинство. Вслед губительной катастрофе всегда подоспевает спасительная. Крах 1991 года породил нелегальную Россию, бум мировых «пузырей» питает ее магическую экономику. Гениальность власти — самооценка, которую неслучайно понаблюдали в ее замкнутом мире. Действительная передача должности из рук в руки обещает, что гениальная власть вечно пребывает с нами. Создаем ли мы, что рискуем? Системы власти держатся на ошибке.

Глеб Олегович Павловский

Гениальная власть!

Словарь абстракций Кремля

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2553235

Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля: Европа; М.; 2012

ISBN 978-5-9739-0207-0

Аннотация

Это эссе инсайдера о том, каким видится мир из Кремля. Нам все заведомо по плечу. Мы уверены, что любая цель достижима силами старой команды, все той же с 2000 года. Из года в год за нее голосует большинство. Вслед губительной катастрофе всегда подспевает спасительная. Крах 1991 года породил немыслимую Россию, бум мировых «пузырей» питает ее магическую экономику. Даже цунами на нашей стороне. Гениальность власти – самооценка, которую некому поколебать в ее замкнутом мире. Микшируя собственность, страх и свободу Кремль применяет скрэтч – палец диджея всегда на пластинке. Династийная передача должности из рук в руки обещает, что гениальная власть вечно пребудет с нами. Создаем ли мы, что рискуем? Системы власти держатся на ошибке.

Содержание

МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ	4
БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ	6
БОЛЬШИНСТВО	8
ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ	10
ВОЛЮНТАРИЗМ	14
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глеб Павловский

Гениальная власть!

Словарь абстракций Кремля

МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Вместо предисловия

Надо согласиться всем со следующим постулатом: гении всегда в меньшинстве, но их деятельность делает большинство богаче. И большинство должно понять, что привилегии, которые мы даем талантливым людям...

Владислав Сурков, первый заместитель Руководителя Администрации президента РФ. «Гении всегда в меньшинстве!»

Любое выступление Владислава Суркова – акт волевой патетики, той страсти, что ведет уникальную власть сквозь мглу России в ее катастрофичное будущее. Власть видит себя уникальной, не наилучшей, конечно, зато несравненной – нам не с кем себя сравнить!

В чем великолепие российской власти? Ей все заведомо по плечу. Мы уверены, что всякая цель достижима силами данной команды, стареющей и давно всеми нелюбимой, но все той же с 2000 года. Зато мы не старимся в личном воображении.

Считая себя ультракомпетентной, власть пренебрегает простой управленческой компетентностью. Нас попрекают тем, что мы не умеем ничего толком организовать, а мы: «Ну и что? Незачем разбираться в модернизации... есть Кремль – волшебная меленка, что смелет любую задачу!» От некомпетентности мы спасаемся в проектировании. Любой провал и даже дефект власти обращается нами в **проект** ее усиления, в экспансию на новое поле. Проекты вечны!

Наша некомпетентная **СВЕРХКОМПЕТЕНТНОСТЬ** – командное свойство. Команда **власти** всегда готова проявить *компетентность* в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: **импровизатора** заменить некому, его опыт уникален – и, зная это, импровизатор заходит все дальше.

«А по-другому не пробовали? Давайте попробуем. Вдруг получится» ®
Сурков.

Если вслед за модернизацией появится цель организовать диалог с оппозицией – Сурков договорится с Навальным и, если надо, лично пойдет митинговать на Триумфальную площадь. А вернее, кого-то наймет. Когда поставят задачу лететь на Марс, Сурков пойдет, чертыхаясь, составлять списки экипажа, по пути решая, кого он из них вычеркнет.

Наша некомпетентная сверхкомпетентность – командное свойство. Команда власти всегда готова проявить компетентность в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: импровизатора заменить некому, его опыт уникален – и, зная это, импровизатор заходит все дальше. «А по-другому не пробовали? Давайте попробуем. Вдруг получится» © Сурков.

Моя власть – изрядный смутьян. Мы алчем небывалых проектов, которые отбираем негласно случайным образом. Сама их необыкновенность требует **«смелого маневра ресурсами»** ©, поощряя растраты. Публике нечего тут подсказать. Они комментируют прошлые

действия власти, нами почти позабытые. У нас в воображении уже Silicon Valley под Кунцево, у сталинской ближней дачи, а они там все никак не забудут про трупы «Норд-Оста».

Гениальность власти нам так очевидна! Сурков посмеивается: вы называете нашу модернизацию авторитарной? Бог с вами – болтайте! Общество не возбуждает нас, не доставляет нужных гормонов. Поскольку нас не заводят, мы возбуждаемся от собственных проектов. Общественные реакции сохраняют только смысл индикаторов – по ним мы угадываем, на какие еще гадости против государства готовы те, кто ест у него из рук.

Власть чувствует себя о-о-очень мудрой, бесконечно учение всех, кто ей что-то советует. Старый-престарый Ясин, бывший министром, еще когда о Суркове не знали в Кремле, – для нас чудак-несмышлениш. У такой власти в принципе нет партнера, нет достойного собеседника (странным исключением был Гайдар – теневой гуру любой команды в Кремле). Власть иногда навещает Общественную палату, как приют для даунов – бедняжки, какое горе! С вами здесь хорошо обращаются? Но не советоваться же нам с идиотом!

Нормальная жизнь – и вовсе не цель для власти. Мы привыкли к рутине чрезвычайных обстоятельств, к **заурядности катастроф**. Ставя задачи, мы их заостряем до провокаций: **«либо цель будет достигнута – либо России не быть!»** ©. Модернизация – еще одно имя надрыва. Объявив целью правовые институты, эту нормальную цель Медведев обосновывал как боевую. Но разве с появлением правил и институтов не меняется класс задач, где диктатуре гениев нет места? Отрыв управленческого от политического, политического – от промышленного, «провластного» – от государственного закрепил отрыв гения власти от сред, сквозь которые она движется. Результатом станет новая экспансия **социума власти**, о чем предупреждал еще Михаил Гефтер.

Курс на модернизацию связан с реальной оценкой ситуации лишь отчасти. **«Угрожающая отсталость»** России дала новый шанс приоритету чрезвычайного, освежая мандат на любые меры. Инновационный кластер в Сколково – вот запрос на божественную творческую неистощимость, вот аллея наших побед!

Моя власть – это «Наутилус» странного гения Немо, а Россия – жуткая бездна, атакующая корпус машины, ведомой Бог вести куда... Двадцать лет непрерывно страну реформирует Кремль, скрытно подменяя курс и цели, но вечно оставаясь хранителем компаса. Центр изумительных новаций среди опасного и неблагодарного населения. Наш гений незаменим, его государственные шедевры закрепляют наше первенство.

«Власть гения, влияние великого ума... Это прекрасная власть» ©, – Юрий Олеша что-то спяну бормочет под нос, пока бредет, пошатываясь, по Поварской от ресторана ЦДЛ к Кремлю. Доктрина гениальности власти уже возвратилась из Москвы 1937-го в Москву 2011-го, став догмой политики и почти уже государственным институтом.

А с 24 сентября 2011 года гениальность имеет прямое государственное оформление – из тандема вылупилась идея команды как династийного механизма обмена талантами в правящей группе. Передача должности из рук в руки по кругу гарантирует, что и гениальная власть вечно пребудет с нами!

А с 24 сентября 2011 года **гениальность** имеет прямое ГОСУДАРСТВЕННОЕ оформление – из тандема вылупилась идея **КОМАНДЫ** как династийного механизма обмена талантами в правящей группе. Передача должности из рук в руки *по кругу* гарантирует, что и гениальная власть **вечно** пребудет с нами!

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ

В кремлевской политике стерлось понимание бесповоротности выбора важной стратегии – остался лишь страх последствий. Страх внезапного парализует политику, поощряя ее к отсрочкам. Только в этом источник затяжек с объявлением о кандидате-2012, под конец просто анекдотичных. Пример – поведение Путина в отношении Медведева, его же выбора 2007 года. Выбор он сам рекомендовал стране, отказываясь верить в его необратимость. Путин хочет сохранять отменяемость выбора после того, как выбор сделан – так мыслят все, кто лишен понятия риска. Принимаемые Путиным решения не являются решениями по сути – это лишь временные меры, они все обратимы.

Безальтернативность означает бесполезность выбора для успешной ориентации в происходящем.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ означает **бесполезность** выбора для успешной ориентации в происходящем.

Табу на достоверную информацию – условие кредитоспособности в безальтернативном мире. Пока не знаешь, чем в точности **манипулируешь**, делаешь это легко. Если в одном из полей вырвется риск, есть чем его закрыть. **БРОСАЕШЬ** в спасаемый Банк Москвы ресурсы – растут риски там, откуда их черпаешь. Кто за это ответит – **Кудрин? Лужков?** Наша власть глубоко эшелонирована, социально и финансово **застрахована**, но ее резервы насыщены колоссальными *рисками*. Как преступный крупье в казино, мы ставим и ставим на самих себя. Империя риска **безальтернативна** зато дефолтна.

Мы не очерчиваем политический мейнстрим и явно не скажем: вот курс, а вот – его границы. Проводники курса у нас не являются его последователями и не вправе нас поправлять. Даже Сурков – лишь дизайнер политики, визажист власти, хотя он-то готов для нее рисковать.

Со стороны конкурс дизайнеров выглядит борьбой фракций власти за будущий курс – но это не так. Участники фракций условны, а «кремлевские кланы», о которых много говорят, фракциями не являются – у них разные классы риска. Как показала судьба «лужковского клана», наши фракции состоят из перебежчиков и двойных агентов. Из питерских друзей Путина одни приватизируют легальные бизнесы международного класса, другие делят финансовые потоки. Вторгнуться в чужие финансы проще, чем приватизировать крепкий бизнес, зато риск сильнее – без силовых инструментов здесь никак. Но каким образом все это легализовать?

События повышают неясность повестки завтрашней власти в России. Путин, чувствуя неочевидность повестки, ею играет. Путин – мастер неясности, которую сам же провоцирует. В анфиладе угроз тема безопасности нарастает; от личной безопасности Путина в системе, им созданной, – к безопасности кадров, двинутых им во власть, – к социальной безопасности миллионов, застрахованных только **бюджетным местом** в системе **без альтернатив**.

Эта система полна издержек из-за расходов на кормление элит. Она подвержена риску политического дефолта, вероятность которого – в скрытых издержках. Но все заинтересованы в том, чтобы скрыть ее слабости от себя – узнав лишнее, мы испугаемся и обесценим свой безальтернативный полис.

Табу на достоверную информацию – условие кредитоспособности в **безальтернативном** мире. Пока не знаешь, чем в точности манипулируешь, делаешь это легко. Если в одном

из полей вырвется риск, есть чем его закрыть. Бросаешь в спасаемый Банк Москвы ресурсы – растут риски там, откуда их черпаешь. Кто за это ответит – Кудрин? Лужков? Наша власть глубоко эшелонирована, социально и финансово застрахована, но ее резервы насыщены колоссальными рисками. Как преступный крупье в казино, мы ставим и ставим на самих себя. Империя риска **безальтернативна**, зато дефолтна.

Все восемь лет президентства Путина власть копила ресурсы и опасно выглядывала из окопа – а дела в общем шли хорошо. Годы преуспевания проложили триумфальную колею. Теперь мы в ее плену. Все ждут новых побед, а мы втайне обмираем от ужаса, наращивая ставки в игре. Знать бы, на чьи играем.

Мы давно отказались от оценки альтернатив в обмен на комфорт быстрого реагирования. Если конъюнктура обманет, мы не сумеем сманеврировать. А вокруг России рушится геополитический вал – американское Ближневосточье стало базой революций, французы потрошат Ливию, как плохие дети, рвущие крылья мухе, чтоб отдать пауку.

В мире случайного **безальтернативности** не с чем спорить, и она становится бесполезной. Нам надо еще раз угадать верный ответ, иными словами, повторно обыграть всемирное казино. Старое, давно закрытое казино 2000 года.

БОЛЬШИНСТВО

Консенсус и всемогущая воля

Говорят, в России нет инноваций. Но одна есть – это сама суверенная Россия, которую однажды провозгласили, а Владимир Путин реализовал. Режим Владимира Путина – трудный вопрос политической теории. И когда функционер режима Владислав Сурков определил его доктрину как **суверенную демократию**, он не сорвал европейских аплодисментов. Нам не повезло. Россия вышла на мировую сцену в момент, когда мир потерял весомую причину к нам прислушиваться, а именно Советский Союз. Россия тоже проспала европейский праздник единства: эйфорию 1989 года здесь не заметили. В Москве Евросоюз вытеснила другая сенсация – Российская Федерация.

Гипотеза суверенной России материализовалась вне связи с происходящим в Европе. Мы принимаем демократию как синоним национального суверенитета, но не наоборот.

Лозунг демократии не породил нас с Европой, а лозунг суверенитета ее насторожил. Обычная европейская ошибка – упрощать стратегию Кремля, сводя к попыткам спасти монополию. Но система ищет защиты и от (памятных ей) безумств большинства, и от аппаратного идиотизма власти. Недоверие команды Кремля к собственному аппарату – важный мотив интереса к демократическим практикам. Демократию здесь ценят как партизанскую тактику, используемую властью для просачивания в собственный аппарат. Но теперь демократия превратилась в новую трудность для власти – зависимость от провластного большинства.

Использование БОЛЬШИНСТВА в России

Задолго до новой России, в позднем СССР, «прогрессивное народное большинство» официально считалось чем-то данным. Обоснованием советской системы было **«всенародное»** или, как говорили, **«подавляющее большинство»**. (Выражение «подавляющее большинство» в СССР почему-то считали позитивным, а не репрессивным термином!)

Едва это **большинство** собралось вокруг Горбачева, его тут же объявили безальтернативным. «Перестройке нет альтернативы!», «Иное не дано!» – популярные лозунги демократов тех дней. Принцип: власть действует, а большинство ее поддерживает, реализуя волю лишь символически, через лидера. Призраком демократического движения конца 1980-х стал консенсус. В подоплеке этой утопии легко угадывается советское «подавляющее большинство». Всенародный консенсус рассматривался Горбачевым и как основа легитимности его решений, и как место для массы в политике.

СССР рухнул, утопия консенсуса досталась в наследство России. Борис Ельцин короновался именем того же всенародного **большинства**. Он верил в демократию, но мыслил горбачевским **«консенсусом»** – **большинством, которое не нужно подсчитывать. Президент правит Россией волей консенсуса – вот ранний первоисток политики большинства.**

Гипотеза суверенной России материализовалась вне связи с **ПРОИСХОДЯЩИМ** в Европе. Мы принимаем демократию как синоним национального *суверенитета*, но не наоборот.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ, поначалу бывшую лишь проекцией высокого *рейтинга*, поддержали сознательно, превратив в *принцип* власти. Замеры рейтингов путинского **БОЛЬШИНСТВА** между выборами приобрели стиль плебисцита.

И желанное большинство явилось в виде электорального чуда 2000 года – народной поддержки Путина. Оно материализовалось как лидерское вокруг Путина и как прогосударственное вокруг власти. Сродни советскому «подавляющему большинству», оно отклоняло любую альтернативу великолепному Путину.

Безальтернативность, поначалу бывшую лишь проекцией высокого рейтинга, поддержали сознательно, превратив в принцип власти. Замеры рейтингов путинского **большинства** между выборами приобрели стиль плебисцита.

Безальтернативное **большинство** измеряется рейтингом доверия президенту, а динамика его рейтинга 10 лет выглядела почти ровной линией. Картина слабо изменилась и теперь, когда у тандема два лица. Оба они теперь падают в популярности, но они падают вместе.

Тающий ледник большинства высится в центре ландшафта российской демократии. Власть не порвала связи с выборностью, превратив выборы в пролонгацию статус-кво без альтернатив. История Владимира Путина – это история обретенного большинства. Обретенного навсегда?

Безвольное БОЛЬШИНСТВО

Российский политический класс не забудет, как советское «подавляющее **большинство**» вдруг отвергло СССР. Является ли «путинско-медведевское» большинство опорой для государственной воли? Вопрос не имеет ясных ответов «да» или «нет». Оттого мы обсуждаем проблему единства России как вечный политтехнологический коан. Российское государство остается само для себя под вопросом. Консенсус в отношении новой России достигнут, но правящая команда-модератор в этом сомневается.

В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собранной *ad hoc*, и последняя из таких команд, наша, десять лет правит Россией. Ее **пароль – волевой форсаж невозможного – различим** в речах таких разных людей, как Владислав Сурков, Анатолий Чубайс и Владимир Путин («нам все говорили – невозможно, провалитесь! – а мы взяли и сделали!» ©). Естественно думать, что и в будущем любая задача разрешима так же – ведь гении остаются в Кремле, раз большинство безвольно.

Медведев хотел создания правовых институтов, где **воины креатива** © смогут осесть в государстве. Но яд уникальности отравляет командный мозг. Наступила интоксикация – избранник случая взглянул в зеркало и увидел там гения. Здесь и проблема глобального будущего демократии.

Проблема **создания стратегического центра воли, способного проводить курс среди пассивного большинства при катастрофических условиях** (а иных условий демократия здесь и не знала).

Опыт русской «демократии катастроф» будет важен для неопределенного мира, даже если закончится катастрофой и его **большинство** рассеется.

*Проблема создания стратегического центра воли, способного проводить курс среди пассивного большинства при **КАТАСТРОФИЧНЫХ** условиях (а иных условий демократия здесь и не знала).*

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ

Страна создала необычную линию защиты от управления собственными делами – производную, именуемую **вертикаль власти**. Термин появился как временный лозунг в ответ на жалобы на хаос во власти.

Теперь вертикаль власти рассматривают как институт управления, принимают всерьез, адресуя ей жалобы или проклятья. Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

Что не удалось ни Ельцину в 1990-х, ни Горбачеву в 1980-х – местные управленцы ушли из-под контроля центра в последние годы СССР, – в нулевых удалось нам. Мы их дисциплинировали-за счет чего?

Теперь **вертикаль власти** рассматривают как институт *управления*, принимают всерьез, адресуя ей жалобы или проклятья. Под **именем** вертикали действует оригинальная и надежная система **скупки-кредитования** управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

Центр кредитует местных УПРАВЛЕНЦЕВ

Наша команда с 2000 года овладевала страной с легкостью, не меняя прежнего менеджмента. Суверенитет восстанавливали, отказываясь управлять. Вербовка регионалов федеральным центром шла на четких условиях: играете по своим правилам, но в московский футбол. Повестка устанавливается центром, но тот не вмешивается в местные технологии власти. Директивы сверху – «этого не избирать, а того избрать», «такой-то процент для такой-то партии» – проводите средствами, какие есть на местах.

Работая по заданиям центра и выполняя поставленные задачи, регионалы подтверждают компетентность, сохраняют должности, которые занимают, и с ними – право обогащаться (право строго **привязано к месту власти**), их местным недругам запрещается враждебная активность – конкурировать можно лишь непублично и с ведома центра.

Центр скупает менеджмент, позволяя тому позаботиться о цене покупки, – а боссы переустраивают местную власть в режимы управления собственностью. Повышая капитализацию последней, владелец вынужденно развивает свой регион. **Вертикаль власти работает как сильно деформированный институт развития.**

Приоритеты заданы федеральным центром. Обогащаться местный босс должен так, чтобы недовольство им не превысило лимит, – местная экономика обязана быть социальной и неконфликтной. Выполняя обязательства по социальным нормативам и показателям, можно расхищать бюджет и трансферты, но умеренно нескандалным образом. (Этим условиям лучше всего отвечает схема «откатов», что объясняет взрыв ее популярности.)

Вертикаль власти ориентирует губернатора на устойчивое развитие, а не на депрессию и произвол! Экономический рост – в стабильной кадровой оболочке и гарантированный социальный минимум населению. Так создавалась видимость суверенного контроля над гигантской страной, фактически не управляемой и не самоуправляемой. Есть ли этот суверенитет в действительности? Да – раз его покупают на мировом рынке.

При всех разговорах о **суверенитете** модель полностью зависит от *мирового* рынка. Суверенная демократия – это формула конъюнктурного государства, зависящего от оценки мировым **РЫНКОМ**

его способности монопольно оперировать суверенной **ТЕРРИТОРИЕЙ** как консолидированным активом в приемлемых (и *известных* рынку) титулах собственности.

МИРОВЫЕ финансы власти

На мировой рынок выходит капитализируемый суверенитет России – «коллективный Путин» как мировой бренд. Только такой знают Россию участники рынка – как торговца нефтью, газом и сырьевыми ресурсами. Присутствие частных российских игроков – факультативное, заметное лишь на кредитных рынках; кредиты даются «под Путина».

Национальный доход страны размещается на западных рынках. То, что из него украли, уходит туда же через офшоры. Суверенные финансы управляются мировыми финансовыми институтами, адекватности которых мы, естественно, доверяем больше, чем коррумпированным домашним лоббистам.

Часть денег возвращается инвестициями (чаще спекулятивными), укрепляя местные очаги роста и складывающиеся вокруг них коалиции. Регионы заинтересованы в привлечении инвестиций – так они повышают капитализацию своей собственности, а заодно и свой класс агентов центра. Местные деньги, изъятые у регионов через налоги, идут в центр, откуда обезличенными возвращаются обратно через бюджетные трансферты. **Дотационность регионов при этом превращается в тренд и закрепляется**, используясь ими как ценный природный ресурс – *бизнес на отсталости*. Вся эта система омывается циркуляцией финансового раствора – смесью полученного и украденного с трудовым.

При всех разговорах о суверенитете модель полностью зависит от мирового рынка. Суверенная демократия – это формула конъюнктурного государства, зависящего от оценки мировым рынком его способности монопольно оперировать суверенной территорией как консолидированным активом в приемлемых (и известных рынку) титулах собственности.

Экономика суверенитета конъюнктурна, но действенна. И она работает. Для чего России иметь свою экономику, когда мы наняли мировую – обслуживать нашу власть?

Модель СУВЕРЕНИТЕТА единого государства

Вертикаль власти диктует правящим элитам принципы единого государства. **Приоритет суверенитета недискуссионен**. Если бы мы навязывали его как идеологию, у нас ничего бы не вышло – идейного авторитета у центра нет. Зато он дает местным режимам долю в обогащении. На мировой рынок выходит единый участник – «консолидированный Путин», торгуя сырьем и привлекая инвестиции под свои гарантии. Местные режимы и их банки, выступающие в качестве заемщиков, застрахованы тем же «глобальным Путиным». Обогащение через суверенитет – модель патриотичная и совместимая с глобальной циркуляцией капиталов и людей. Но крайне рискованная.

На пике кризиса мы увидели крах кредитов, набранных на мировом финансовом рынке **вертикалью власти**, – еще одно неслучайное сходство нашей **Государственности** с финансовым «пузырем». Их давали региональным банкам и бизнесам под гарантии вертикальной стабильности.

Вертикаль власти – это модель управления любой страной, более сложной, чем готов допустить ее политический центр.

Модель сработала – то есть мы получили отсрочку на время, достаточное, чтобы разобратся в устройстве управляемого объекта Россия. Но хорошо известно: отсрочки – человеческий наркотик. С тех пор отсрочки и их пролонгация – основа нашего политического

планирования. «Управляемую демократию» никуда не ведут, она лишь регламент допуска/недопуска граждан к их суверенитету.

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ – это модель управления любой страной, более сложной, чем готов **допустить** ее *политический* центр.

Внутренняя политика и глобальная ЭКОНОМИКА

В чем трудность модели? В том, что внутренняя власть всегда зависима от глобальной конъюнктуры. Это модельное условие – **суверенную Россию нельзя деглобализировать, не уничтожив**. Наш тип стабильности власти фактически – филиал глобализации и барометр положения дел с ликвидностью в мире. Но граждан России и их собственность при этом, увы, приходится исключить из списка игроков мировой экономики.

При конфликте с федеральным центром региональные режимы власти теряют выход на рынок кредитов, а их боссы рискуют потерей собственности, свободы, иногда жизни. Спасаясь, они берут на себя оплату проектов неугомонного центра, выступают благотворителями в пользу миллионеров, проводят мировые конгрессы и спартакиады, что привязывает их к **федеральной agend'e**. За спиной у локальных бюрократий неизлечимо болен местный бизнес, обремененный издержками, объема которых он заранее не знает.

Российская власть прячет политические риски в **плюрализме** местных режимов для бизнеса.

Неуверенность и ТОРГОВЛЯ страхом

Страх поломки всегда сопровождает нашу систему. Эти страхи клубятся в Кремле и в кремлевских провинциях – они складываются, множат друг друга. С одной стороны, у нас вполне современная, даже **постмодернистская Государственность**; с другой стороны, она слишком явно временна. Она воспринимается как безальтернативный ландшафт, но ничуть не вселяет уверенности. Власть боится короткие сделки по выживанию, но ее условия неточны и связаны с путаницей договоренностей.

В этой системе чувство временности и страх прорываются в виде нелепых, чаще **симулируемых угроз** – революции, путча, гражданской войны. Симулянтов терпят и иногда оплачивают.

БИЗНЕС на суверенитете

Не стоит упрощать нашу власть. Слабость, корысть и азарт соединяются в нас с энергичностью миссии. Путин с первых дней начал поиск центрального движка – схемы финансового самообеспечения новой власти. Это не объяснить одним властолюбием или корыстью, хотя, естественно, новая власть управлялась как бизнес – другого образа правления команда просто не знала.

Бизнес Кремля связан с превращением суверенитета России в основной актив. Это дело рискованное. Зато, выйдя на мировой рынок, суверен-коммерсант монополен – никто не сделает бизнес в обход центра. Суверенитет предоставляет для крупного бизнеса левверидж – «плечо», позволяющее развить бизнес в сверхкрупный.

Сто миллиардеров РФ – блестящая придворная свита для власти. Вопреки общепринятому мнению, эти люди не воровали – они рисковали и, сделав ставку на Путина, выиграли.

Бизнес **Кремля** связан с превращением суверенитета России в *основной* актив. Это дело рискованное. Зато, выйдя на **МИРОВОЙ** рынок, суверен-коммерсант **МОНОПОЛЕН** – никто не сделает бизнес в обход центра. *Суверенитет* предоставляет для крупного бизнеса левверидж – «**ПЛЕЧО**», позволяющее развить бизнес в сверхкрупный.

Каждый может выйти из игры: **границы открыты, вали!** ©. В конце концов, покинув Россию, можно делать в нее инвестиции, более защищенные от личных рисков. Но даже из Лондона бизнес ведут по суверенным правилам власти – обойти ее рынок не даст и тем, кто ее ненавидит. Эмигрант-миллиардер останется частью мира, обслуживающего финансовую архитектуру России. Мир и торговля с ним – наш сервисный агрегат, вроде искусственной почки.

Глобальная **ЛЕГИТИМНОСТЬ**

Путин выстроил систему, а та его самого обратила в аксессуар. Финансовое обеспечение власти требует ее признания за рубежом – и легитимность Путина обязана быть глобальной! Искаженное эхо этой мысли – часто повторяемый (ложный) тезис, будто Путин ушел из Кремля, чтобы «успокоить Запад».

Конституционность для нас не имидж, а технический параметр базовой схемы. Для жизнеспособности любой будущей власти в Кремле нужно полноправное присутствие России на мировых сырьевых и финансовых рынках. А те политизированы, уязвимы для выборных стрессов; зависят от ненадежной конъюнктуры. Чтобы не обрушить российский бюджетный цикл, надо двигаться в рамках «глобально приемлемого». Здесь связь между амбициозной мюнхенской речью Путина в начале 2007 года и его же московской речью в конце 2007 года, где он объявил, что третьего срока подряд не будет, а новым президентом России – его решением! – **станет прогрессивный молодой человек.**

Конечно, Путин рискует. Но, рискуя, он отстаивает место на рынке, даже в кризисном финале десятилетия. Первые 100 дней Медведева оказались невероятно успешными для молодого и прогрессивного президента. Та полоса медведевского везения не случайна. Мы увидели во всем блеске синергетику гениальной власти. Путин первых лет медведевского президентства явно наслаждался происходящим. С его точки зрения, власть его с 2008 года не умалилась, а выросла – и он был прав.

Легенда **МЕНЯЕТСЯ**

Вертикаль власти на месте, но рынок ее не на месте. Рынок-мир уже не модерируется Америкой предсказуемо, как недавно. С другой стороны, произвол вмешательства в него превысил всякое понимание (ливийская колониальная война Саркози – Камерона). При всем активизме мы боимся открытых действий. Если ливийский стиль – **войны-импровизации, «хочу войны»** – повсюду войдет в стандарт, суверенной торговле властью на мировом рынке придется трудно. Но пока у России есть место **службы тыла** для мировых игроков, и на этом мы продержимся еще одно-два президентства. А за это время стрясется еще несколько революций (лишь бы не у нас!), войн, цунами и ураганов...

Не будем пренебрегать творящей силой случайностей в процветании **российской экономики катастроф.**

ВОЛЮНТАРИЗМ

Волюнтаризм – сокровенный принцип путинской системы; она предельно волюнтаристична, не желая слышать о «реальном устройстве общества». Система изгнала идейные споры и вопросы о том, каковы группы интересов в обществе. Тема реальности ушла из поля дискуссий. У нас неприлично обсуждать реальные интересы реальных групп – мы обсуждаем только их государственное значение.

Реальны в политике действия, люди и риски. Россия не знает собственных рисков. Разговор о них просто невозможен в нашей системе власти. Почему? Потому что устройство России якобы подчинено нашей **воле**.

Страна такова, какой мы ее утвердим, так велит наша воля! В путинском варианте волю власти несколько ограничивает народ. Есть умная воля – но есть опасный народ. Население вправе оценить силу нашей **воли**, не более, его оценка – наш рейтинг. Конституция действует изредка, во время выборов – между выборами она сходит на нет.

Реальны в политике **ДЕЙСТВИЯ**, люди и риски.

Россия не знает собственных *рисков*. Разговор о них просто невозможен в нашей системе власти. **ПОЧЕМУ?** Потому что устройство России **якобы подчинено** нашей **ВОЛЕ**.

Радикальный волюнтаризм некогда породил эту команду власти. У него много лиц – веселое, чуть хулиганское воплощение Александра Волошина – мальчишки, забравшегося в мастерскую Творца, что нажимает на кнопки, радостно хохоча. А у Медведева иной тип **волюнтаризма**, с монархическим уклоном: у всех свои интересы, но моя воля вровень должности, а должность священна сама по себе. Президент я или не президент? Если президент, то и воля моя – президентская, она «отлита в граните» ©.

Воля Медведева движется навстречу группам интересов, чего не было у Путина. Забавная черта его **волюнтаризма** – айпад. Воля властителя следует сквозь его экран, и наводчиком ее становится Интернет. Плюс масса гаджетов (одним из гаджетов был недавно и я). У Медведева есть другая проблема – источника силы. Воля есть, а силенок маловато, ресурсы – у другого парня. Хотелось бы своей волей добавить к себе и эти ресурсы, но не понятно, что может случиться. **Волюнтаризм** – тайна этой системы, сохраняющаяся уже двадцать лет с их «эффективной политикой» ©.

Тайна сегодня та, что Путина в ней уже нет, собственно. Путин плотно впаян во власть, и он уже не тот живой грустный Путин, что борется с возрастом, встречая надвигающееся 60-летие. Ищет прежнее место **воли** – а места нет.

Сегодня Медведев «на месте» Путина, не в смысле президентского кресла, а в месте, где сходятся линии авторства, линии авторской воли, сюжеты и травмы страны. Они являются реальной конституцией России и образуют ее статус-кво. Но Медведев не очень знает, что делать с этим статус-кво.

Система сделана под одноразовые победы. Победы неповторимы, каждый год приходится искать для России новую идею, как ей дожить до следующего. Не исключено, что и так живут, почему бы нет?

Вопрос в том, создали ли мы за 12 лет во власти полезные **ограничения**, систему *foolproof* от себя – или нет? Имеет ПУТИНСКАЯ система тормоза на случай **безумия** ее руководства или нет?

Опасность волевой попытки преодолеть рубеж 2012 года не видна ни Путину ни Медведеву. Ни тот ни другой не готовы признать существующую систему. Именно как **волюн-**

таристы, один старый, другой еще молодой, они не готовы признать статус-кво, и оба вдруг стали опасны при попытке навязать себя России. В первом такте Медведев был бы менее опасен, чем Путин – Медведев это отсрочка. Путин-2012 это наоборот перестройка, но чего именно? Оба знают много, но не знают страны.

Вопрос в том, создали ли мы за 12 лет во власти полезные ограничения, систему foolproof от себя – или нет? Имеет путинская система тормоза на случай безумия ее руководства или нет?

Ответ не очевиден; возможно, те все же есть. Пока больших срывов нет, а ошибкам давали задний ход, как было с монетизацией, не исключено, что срабатывали тормоза. Но где они, в чем эти ограничители – помимо нашей **воли**?

Мы не видим работы регуляторов, так как в живом социуме России не признали реальной силы. Нам видны игроки, которые громко кричат – я игрок! Но они-то ставок не делают; а миллионы социальных единиц свои ставки сделали – поставив на силу **воли**.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Демоном новой России считают деньги. Тема денег и анонимность насилия слились у нас в сознании. Вообще в этом ничего необычного – деньгам нужна защита, к ним бросаются, спасаясь от неизвестного.

Маркс называл деньги «социальной связью, которую можно унести в кармане» ©. Их ликвидность бесценна при катастрофах. А катастрофа и есть отправной пункт нашей истории.

Беловежский доллар

Конец Советского Союза был сном фантазий. Осенью 1991 года показалось, что вот сбудутся все фантазии сразу. Но что-то пошло не так. В момент оргазма, когда желания столь сильны, что их не формулируют, все вдруг исчезло. Вещи ушли с мест, и все то, что было гражданским порядком, перестало существовать. Приготовились было вступить в борьбу за то, что еще не потеряно. Но подобно Сталину, государство ударило в спину, отказываясь гарантировать что бы то ни было. Эту операцию отслоения живого существа от всех форм защиты жизни и следует считать истоком новой власти.

Демоном новой России считают **деньги**. Тема денег и анонимность НАСИЛИЯ слились у нас в сознании. Вообще в этом ничего *необычного* – деньгам нужна защита, к ним бросаются, спасаясь от **НЕИЗВЕСТНОГО**.

Рухнуло доверие, материализованное в институтах; рухнуло доверие к тем, с кем вместе боролся за будущую справедливую власть. Рухнули сбережения во вкладах сберкасс. Испарились и деньги в матрасе. Рухнула возможность, потеряв работу, найти другую.

Проигравший человек, лишенный всех форм защиты, кидается к незнакомой ее форме – к **российскому доллару**. Доллар 1990-х годов выступает не просто как деньги – деньги рухнули, – а как нечто абсолютное, нерушимое, экстерриториальное в мире зла. Все репутации пали, а доллар стоит. Он посланец извне, он пришелец и резидент. У него иммунитет к гадкой реальности. То, что центр эмиссии доллара так далеко от Москвы, и казалось его главным достоинством. Обманутое желание обращается в истеричную жажду ликвидности.

Казалось бы, где тут общественное благо? Но его ищут все. Хотят защиты и порядка, но порядка нет, и остается рвать доллары друг у друга из рук.

Приобретая доллары либо отнимая их у кого-то, обретаешь залог **Государственности**. Долларизация России девяностых – это поиск иного гражданского порядка. Она идет повсюду, ведь люди не могут жить вне какого-либо порядка. Смирившиеся с хаосом умирают беспричинной смертью сотнями тысяч. Повальная смерть нестарых мужчин – памятный тренд начала 1990-х.

Ничто в самой России *НЕ СТАЛО* законно-ликвидным для **частных** лиц – ни земля, ни дома, ни рабочая сила – ничто, кроме **долларов**. Валюта отсылала в интерьер будущих благ, доверия и **БЕЗОПАСНОСТИ**.

Цель обращения к долларам – выживание плюс накопление социального капитала в ликвидной форме. Доллар ведь еще и паспорт другого мира, выездная виза. (Долларизации сопутствует тогдашняя мания приобретать паспорта дальних стран – Вануату, Антигуа, Гондураса... Мечта об удаленном доступе к гражданскому порядку.) Ищешь защиту? Доллар даст защиту, вернет в экономику, откуда ты вышвырнут. Это поиск нового социального капитала вместо обнулившегося советского.

Ничто в самой России не стало законно-ликвидным для частных лиц – ни земля, ни дома, ни рабочая сила – ничто, кроме долларов. Валюта отсылала в интерьер будущих благ, доверия и безопасности.

Поразительно слабый спрос собственников на законы в защиту собственности. За доллары покупают блага защищенности – кирпичные виллы с окнами-бойницами. Приобретают охранников, которые сами опасны и выдают охраняемого настоящим бандитам. Бедняки врезают кошмарные сварные двери в плохонькие квартиры, которые некому штурмовать. Никто не интересуется правовой защитой собственности или личности.

Доллары ликвидны – и неликвидны. Ликвидны в том смысле, что на них можно приобрести любой осколок общественных благ. Приобрести, но не защитить. С долларом человек выживет, удовлетворив инстинкты и даже фантазии. Но – однократно, асоциально, тайно и частно.

Накапливаясь у людей, доллары не становятся капиталом. **Доллар в России – не доллар в Америке.** Купив собственность, еще раз платишь, чтобы ее признали. А заплатив за защиту, находишь себя во власти сил, которым нельзя доверять. Тут уже нужен Защитник. Для обеспечения номинала доллар в России нуждается в крыше, его надо дополнить силовой компонентой. Постепенно в этом угадывались очертания будущей власти. **Долларизация России предвосхитила новый режим Государственности.**

Своеобразный социум. В нем есть номинальные институты, но воспользоваться ими могут лишь те, у кого много долларов, и на них они покупают отдельное правовое благоприствование. Такой глубины разобщения, асоциальности, аномии трудно было бы добиться любой из прошлых тираний. Сталин далеко зашел в разобщении граждан, применив ужасные репрессии, и всех прогнав сквозь войну. В новой же России его задача решилась «снизу» – отчаянными усилиями людей, задешево сбывавших все виды человеческих связей.

Возникла экономически **РЕСПЕКТАБЕЛЬНАЯ** власть – суверенитет-монополист, кредитоспособный **агент** глобального рынка. Внутри страны **гражданин** России не является носителем государства, зато **власть** *выступает* им вовне.

Растет объем теневых ресурсов, никак не капитализируемых. Превращают какую-нибудь условную Магнитку в собственность, но рабочие не становятся собственниками своего труда. Им дано добровольно подвергаться произвольной эксплуатации. Без государства их собственность на труд неликвидна; зарплату не платят.

Спрос на ЗАЩИТУ

В конце 1990-х годов возникают анклавов собственности, не признанной никем из приписанных к этим анклавам. Захваченные советские комбинаты с трудом могут быть проданы – их проще отнять, что и делают. Собственность помещают в неправовой периметр, но даже мощным конгломератам трудно держать оборону – периметр дорого стоит. Сколько зарыто братвы, с автоматами и без, на спорных рубежах этой «собственности»?

Дефолт 1998 года – второе учредительное для нашей власти событие, удар по доверию к долларизированным инструментам в их функции **Государственности**. После дефолта возник было спрос на государство. Недостижимые институты капиталистической экономики – собственность, ликвидность, капитал – делегируют государству, которого нет. Зато есть запрос на некую власть – защитника частных анклавов. Ликвидностью в нем станут уже не доллары, а **«доллары плюс»**, деньги-власть.

Обыватель бежит с бесполезного рынка, а власть платит ему задержанные зарплаты или пенсии. Маленькие, ведь это лишь отступные. За труд здесь не платят. Платят за отказ

собственника от всех титулов собственности. Это общество **бюджетных крепостных**, у которых, правда, есть воля уйти восвояси, в никуда, в Канаду.

Попытки подвести регулярную экономическую базу под суверенное управление территориями РФ долго были неудачными. Ельцин выходил на рынок займов в роли «главного демократа». Команда реформаторов Чубайса – Немцова строила эталон переходной экономики – рай для быстрых спекулятивных инвестиций. Путин то навязывал Россию Европе в роли эксклюзивной сырьевой базы, то предлагал Бушу военный союз с объединением энергосистем.

На рынок вышла **Государственность**. После ряда попыток и поисков – у Путина они займут первый срок его президентства – модель симбиоза власти с рынком нашлась. Финансовый «треугольник Кудрина – Сечина» завершил поиски.

Возникла экономически респектабельная власть – суверенитет-монополист, кредитоспособный агент глобального рынка. Внутри страны гражданин России не является носителем государства, зато власть выступает им вовне.

Наш суверенитет гарантирует любому из лояльных определенную долю. А некоторым дает и полную гарантию **их** собственности. Но только с согласия государства, и власть может согласие отозвать. Памятна реплика Дерипаски, будто он готов немедленно отдать государству заводы со всем остальным и уйти в никуда, как бродячий монах. То был не просто всхлип лоялизма. Это говорил хозяин, знающий, что управляемый капитал принадлежит ему не вполне. Он капитализирован лишь через **капитализацию власти в целом**.

Это превращает вождей России в мегасобственников. Им незачем монетизировать собственность – они обладают **целым**, землей и страной, в большей степени, чем вожди СССР. Политбюро ограничивала монополия внешней торговли, глобализация не проникала внутрь страны. Это политически сковывало позднесоветскую власть, та не смела усилиться за счет анонимного рынка.

Защита в ОБМЕН на институты

Российские институты власти – не правовые и не противоправные, они *внеправовые*. Они обуславливают защиту собственности включением собственника в некие договоренности. Граждане не могут выйти на рынок, хотя их пускают – иди, дорогой, только с чем? Тебе нечего капитализировать! Единственный обладатель безупречно оформленных прав собственности – государство. В этом качестве **Государственность** – конкурент гражданина, и мало кто выдержит ее конкуренцию. Но для мира это безразлично, ведь права торговца активами России оформлены должным образом. Титул суверенитета позволяет нам оформлять, переоформлять и отнимать любые права.

Никакая «приватизация», формально присваивая статус частной собственности некому имуществу в РФ, не может изменить ситуацию. Эти раздачи остаются простым «землеотводом» единого собственника национальной территории.

Зато найдено главное, **что искали под именем свободы, собственности и порядка, – защита!** Гражданин получил блага, предоставляемые правом и капиталом, – без права и без капитала, а по договоренности о пропорции благ, причитающихся из бюджета. Каковы условия сделки? Они неизвестны, но привязаны к месту сделки и к классу твоей лояльности.

Потребность в безопасности удовлетворена. Борьба с неопределенностью завершилась **Государственностью**, которая ее исключает...

Доверия к властям не возникло, страх сохранился. К нему добавился **избыток гарантий в невыгодной форме**. **Государственность** предлагает гражданину страховку закрытым списком, снимая с себя ответственность за цену при переменах мировой конъюнктуры. Тарифы растут, гарантии дешевеют, но власть не несет за это ответственности... пока дер-

жатель гарантий не возмутится. Тут губернатор вызывает ретейлера, бьет кулаком по столу – «фиксируй тарифы, сукин сын, – у меня выборы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.